

С. А. АУСЛЕНДЕР

Воспоминания о Н. С. Гумилеве

Летом 1908 г. я жил у родных в Новгородской губернии с Кузминым. Тогда мы впервые обратили внимание на рассказы в газете «Речь» за подписью Гумилева¹. На его стихи мы не обращали тогда никакого внимания. И вот нам захотелось узнать, кто этот Гумилев. Мы слышали только, что это какой-то чудак, живущий в Париже, близкий, кажется, к кружку Мережковских, кружку для нашей группы совершенно чуждому².

Вернувшись после лета в Петербург и случайно узнав в редакции шебуевского журнала «Весна», что у них печатаются стихи Гумилева³, я спросил, где он сейчас находится. Мне сказали, что в Петербурге. Тогда я просил передать, что хочу с ним познакомиться.

В эту осень я жил на Вознесенском проспекте, 27, в лечебнице моего дяди. Это была полуказенная фантастическая квартира с большими неудобными комнатами. Через несколько дней приходит ко мне снизу швейцар сказать, что меня хочет видеть один господин.

— Какой господин?

— Из таких, какие к вам не ходят.

Я был тогда студентом, и у меня бывали главным образом товарищи по университету.

И когда в эту несуразную квартиру вошел Гумилев, я понял швейцара, — ко мне действительно не ходили такие господа. Я увидел высокую фигуру в черном пальто, в цилиндре, утрированную, немного ироническую. Было что-то жалкое в этой модности.

Сначала с ним было очень трудно. Я был еще молодым студентом, хотя уже печатался тогда. Но вот явился человек, которого я не знал; сразу взявший тон ментора и начавший давать советы, как писать.

Кроме того, он был очень безобразен. Передо мной было лицо, похожее на лицо деревянной куклы, с неправильным, как бы стеклянным глазом, некрасивый нос, всегда воспаленный, странный голос, как я думал сначала — умышленно картавящий, и надменность во всем. Первое впечатление было неприятное.

Просидели мы долго, впечатление сглаживалось, но Гумилев все еще был накрахмаленным. Я сказал, что вечером буду на среде Вячеслава Иванова⁴, и он выразил тоже желание поехать со мной, но с таким видом, точно он делает это из уважения к Вяч. Иванову.

Вяч. Иванов в то время был общепризнанным поэтом, и мы все его очень ценили. Тогда, после смерти Зиновьевой-Аннибал⁵, он жил уединенно, среды бывали более интимные, чем прежде, и он просил, чтобы к нему не приводили новых участников, не предупредив его.

Поэтому я сказал Гумилеву, что надо позвонить по телефону и спросить разрешения приехать. Он это принял обиженно, сказав, что он поэт, и кому же, как не ему, быть на средах.

Я вызвал Веру Константиновну* (жену Вяч. Иванова)⁶ и хотя она говорила, что неудобно приезжать без предупреждения, но я все-таки упросил ее, сказав, что Гумилев сидит сейчас у меня, такой чопорный, и что трудно отказать ему.

Близился вечер. Впечатление все более сглаживалось. Гумилев говорил о своей поездке в Африку, рассказывал, что живет в Царском Селе и изъявил желание, чтобы я приехал к нему. Я ответил, что это далеко и что у меня вряд ли найдется время. На это он холодно и официально заметил, что, если я хочу продолжать знакомство и его видеть, то он надеется, что я выберу для этого время. Мне же это было чуждо постольку, поскольку всякие визиты не соответствовали богемным обычаям тогдашней нашей компании.

И вот мы приехали к Вяч. Иванову. Выйдя на улицу, я начал торговаться с извозчиком. Гумилев по-французски заметил, что он этим шокирован, и просил меня садиться. Но тут же сказал, что у него нет с собою денег и что он просит меня довести. Связь этой светскости с богемностью, то — что он так просто признавался, что у него нет денег — мне понравилась. Тем более, когда он добавил, что ему негде сегодня ночевать в Петербурге и что он вынужден остаться у меня.

Я не помню всего вечера на башне. Помню, что Гумилев читал стихи и имел успех. Вяч. Иванов по своему обычаю превозносил их. Гумилев держался так, что иначе и быть не может.

* В. К. Шварсалон (ред.).

После вечера мы вместе вернулись ко мне. Когда он снял свой сюртук и манишку, на нем осталась полосатая рубашка (почему-то она мне ясно запомнилась). Я нашел в шкафу черствую булку и много вина. Мы сидели на диване, и тут я увидел другой лик Гумилева.

* * *

Затем последовала зима, особенно тусклая, с литературными событиями и передрягами. Я помню стиль легкомысленного высмеивания. Тут подвизались Кузмин, Сомов⁷, Потемкин и другие. Страшно издевались над всеми, сплетничали, и Гумилева в первый раз встретили издевкой над его внешним видом.

Кто-то из этой компании насплетничал ему, будто бы я рассказывал, как он приехал ко мне ночью, что у него есть стеклянный глаз, который он на ночь кладет в стакан с водой. Страшно глупо!

В это время мы долго не виделись с ним, и я долго не знал об этой сплетне.

Приблизительно в феврале 1909 г. Евреинов ставил «Ночные пляски» Сологуба, где все роли исполнялись литераторами. Участвовали — Городецкий, Потемкин, я, Кузмин. Пригласили и Гумилева — он согласился. В пьесе были какие-то принцы, принцессы, негры и пр.

На одной из генеральных репетиций было очень весело, много пили. Гумилев подошел ко мне и с видом вызывающего на дуэль сказал, что нам нужно, наконец, объясниться. Я удивился. Он пояснил, что ему известно то, что я распространяю для него. Я рассмеялся и сказал, что это глупая сплетня, он сразу поверил, переменял настроение, и мы весело пошли смотреть балерин, которых привез для балетных номеров Фокин⁸.

В этот вечер большая часть участников перепилась. Все сидели на сцене за длинным столом. Гумилев разводил руками и произносил какие-то звуки. Я ему подсказывал слова. Публика свистала. Спектакль кончился скандалом, потому ли, что не удался, потому ли, что это была модернистическая постановка — не знаю⁹.

* * *

С этих пор начался период нашей настоящей дружбы с Гумилевым, и я понял, что все его странности и самый вид денди — чисто внешни.

Я стал бывать у него в Царском Селе. Там было очень хорошо. Старый уютный особняк. Тетушки. Обеды с пирогами. По вечерам мы с ним читали стихи, мечтали о поездках в Париж, в Африку.

Заходили царскоселы, и мы садились играть в винт. Гумилев превращался в завязатого винтера, немного важного. Кругом помещичий быт, никакой Африки, никакой романтики.

* * *

Весной 1909 года мы с ним часто встречались днем на выставках и не расставались весь день. Гуляли, заходили в кафе. Здесь он был очень хорош, как товарищ. Его не любили многие за напыщенность, но если он принимал кого-нибудь — то делался очень дружным и верным, что встречается может быть только у гимназистов, в нем появлялась огромная нежность и трогательность.

В то время был задуман «Аполлон». В его создании Гумилев сыграл главную роль. Он познакомился с Сергеем Константиновичем Маковским, которому очень импонировал своей светскостью, французским языком и цилиндром. Он собрал у себя Кузмина, меня, Волошина, Маковского и других и показывал нам Анненского, которого мы, к стыду своему, тогда совершенно не знали.

Маковский был совершенно неграмотным в области современной литературы и очень пленился, узнав, что существует такая модернистская литература.

Гумилев имел большое и твердое воздействие на него. Вообще он отличался особенными организационными способностями и умением «наседать» на редакторов, когда это было нужно. Таким образом он «сварганил» свое дело.

В ту весну было большое оживление. Собрались предварительные заседания «Аполлона». Затем мы расширяли свою платформу и переходили из «Весов» и «Золотого Руна»¹⁰ в другие журналы. Везде появлялись стайками. Остряки говорили, что мы ходим во главе с Гумилевым, который своим видом прошибает двери, а за ним входят другие.

Так, например, когда его пригласили в газету «Речь», он протацил за собою и всех нас, и помню, ставил какие-то условия, чтобы писали только мы в литературном отделе. Он умел говорить с этими кадетами, ничего не понимавшими в литературе и им импонировал. Так же мы вошли и в «Русскую Мысль»¹¹.

Это было время завоеваний. Гумилев не любил газет, но его привлекало завоевание их, только как укрепление своих позиций.

Стояла весна ожиданий и надежд. Анненский чаровал нас ораторскими разговорами с Вяч. Ивановым. Это было очень интересно. Тогда же вышел № 1 журнала «Остров». Я написал рецензию на него в «Речи».

* * *

На лето мы разъехались, чтобы встретиться осенью в редакции «Аполлона» в особняке, помещавшемся на Мойке¹². Отделом прозы там заведовал Кузмин, стихами — Гумилев, а я театральным отделом. Лукомский¹³, кажется, — художественным отделом, но он далек был от нашей компании.

Из редакции мы, и Зноско-Боровский с нами, ходили поблизости обедать в ресторан «Альбер». В это время начинал печататься граф А. Н. Толстой.

Первый номер журнала вышел шикарно. В редакции была устроена выставка и банкет, на которые собрался весь тогдашний литературный и театральный свет. Кутили очень много.

* * *

Вскоре после этого случилась история дуэли Гумилева с Волошиным. В то самое время я был болен и не выходил недели полторы, но меня известили по телефону. Случилось это так.

В мастерской Головина в Мариинском театре часто собирались литераторы и художники. Оттуда можно было слышать оперы. Головин собирался в этот период написать групповой портрет сотрудников «Аполлона», но исполнить это ему впоследствии не удалось. И вот в один из таких вечеров Волошин подошел к Гумилеву и ударил его. Их развели.

В ближайшие дни, выздоровев, я поехал к Кузмину. Он жил тогда на башне Вяч. Иванова в маленькой комнате. Я застал там несколько человек, и все они чувствовали себя неловко и смущенно. Там сидел и Гумилев, спокойный и уравновешенный, как всегда, но преувеличенно торжественный.

Я пошел в ванную мыть руки. Кузмин принес мне туда полотенце и сказал, что на завтра назначена дуэль. Секундантами у Гумилева были Кузмин и Зноско-Боровский, у Волошина — Шервашидзе¹⁴ и А. Н. Толстой. Кузмин просил меня достать че-

рез своего дядю доктора, и чтобы я не говорил с Гумилевым на эту тему, так как он боится огласки.

Во все остальное время того дня Гумилев был сдержан и очень отвлеченно говорил о поэзии. Прощаясь, я потянулся к нему, чтобы поцеловаться; он сперва отдернулся, а потом как бы нехотя поцеловался. Вероятно ему хотелось подчеркнуть в ту минуту, как ему не к лицу сантименты.

Я вернулся домой, проехал к дяде, всю ночь велись переговоры, звонил Кузмину, надо было достать автомобиль.

На другой день позвонил Вере Константиновне и узнал, что все кончилось благополучно.

Но история начала расплываться в газетах и принимала, кажется, неприятный характер. Писали о калоше, потерянной, кажется, Зноско-Боровским.

Впоследствии я узнал причины и подробности дуэли. Как-то Маковскому позвонила по телефону какая-то женщина и сказала, что она испанская принцесса, монахиня, видела его на улице и что ему одному может прислать свои стихи, на что просила разрешения. Это была — Черубина де Габриак.

Она интриговала Маковского, вела с ним эстетические разговоры о монастырях, присылала цветы, назначала свидания. Ждала в карете с опущенными шторами и устраивала прочие мистификации. Маковскому ее стихи понравились. Их очень поддерживал Волошин, находя в них мистику и возвышенное вдохновение. Тут между Волошиным и Гумилевым началась борьба за Маковского. Волошин тянул его к мистицизму, Гумилев был формального склада и хотел, говоря вульгарно, «отшить» Волошина. Появление Черубины было козырем для Волошина. Но Гумилев ругал ее стихи, сердился, что их поместили в «Аполлоне», не спросив его. Тогда же, кажется, была напечатана и статья Волошина с фантастической биографией Черубины.

Вдруг Гумилев начал рассказывать, что ее фамилия — Дмитриева, что он встречался с ней у Волошина, когда ездил к нему в Коктебель, и утверждал о своей близости с ней¹⁵. В результате произошла ссора. Все — и Анненский, и Маковский и прочие, — были на стороне Гумилева. Волошину пришлось ретироваться, он уехал, кажется, и стал редко печататься в «Аполлоне».

Гумилеву была неприятна вся эта история и газетные сплетни. Его романтизм был ущемлен. Он тоже вскоре уехал в Абиссинию. Мы поехали к нему на прощальный вечер.

По дороге я купил вечернюю газету. Вечер был довольно тяжелый. О недавнем происшествии старались не говорить.

* В. К. Шварсалон (ред.).

Когда одевались перед уходом, Гумилев со словами: «А, у тебя вечерняя газета!» — вытащил ее у меня из кармана и сразу наткнулся на заметку, кажется озаглавленную «Пропавшая калоша». Всем было очень неприятно¹⁶.

* * *

В начале 1910 г. он вернулся в Россию. Великим постом я уехал на станцию Окуловку в Новгородскую губернию, где жили мои родные, пригласил туда и его. Он приехал с пачками папирос.

И вот Гумилев в деревенском окружении, в фабричном местечке, среди служащих и мелкой интеллигенции. Он ходил играть с ними в винт. Всегда без калош, в цилиндре, по грязи вышагивал он журавлиным шагом, в сумерках.

Мы с ним ездили кататься по обмерзлым ухабам, и изредка, когда сани особенно наклонялись, он приподнимал рукой цилиндр, чтобы при падении не измять его.

В первый раз в те дни он говорил о своей личной жизни, говорил, что хочет жениться, ждет писем. Мы просиживали с ним за разговорами до рассвета в моей комнатке с голубыми обоями. За окном блестела вода. Я тоже хотел тогда жениться, и это нас объединяло.

Там было написано стихотворение «Маркиз де Карабас», посвященное мне. Оно навеяно обстановкой и весенним духом, хотя этот рабочий поселок и не соответствовал ему по стилю. Таким же образом были созданы и «Ракеты» Кузмина¹⁷.

Тогда же, под впечатлением наших долгих разговоров о любви, какой она должна быть, и под впечатлением обстановки, был написан и мой рассказ «Ганс Вреден», посвященный Гумилеву.

В эти весенние дни мы с Гумилевым подружились особенно нежно. Я почувствовал его тоску. Может быть в глубине души он мучился своим безобразием. Ему хотелось внешнего романтизма, внешнего обаяния. Внутреннее у него было.

При мыслях о любви ему было особенно тяжело и тут я почувствовал его большое беспокойство за свою будущую женитьбу. Мы оба в это время готовились жениться как-то беспокойно.

Из Окуловки Гумилев посылал запрос в Царское, есть ли письма из Киева¹⁸, беспокоился, как будто не был уверен в ответе, и, получив утвердительный ответ, попросил лошадей и тут же выехал на вокзал, хотя знал, что в это время нет поезда. Я провожал его, и мы ждали на станции часа два с половиной. Он не мог сидеть, нервничал, мы ходили и курили.

Вскоре после этого я был слишком занят личными делами, был сам женихом и не помню его свадьбы. Да она и была, кажется, в Киеве, а затем они уехали куда-то за границу¹⁹. Помню нашу компанию в те дни: Кузмина, Судейкина, Толстого; Гумилева не было с нами.

Затем я жил у родителей моей невесты * — Зноско-Боровских, в Павловске. К нам приезжали туда литературные друзья. Там впервые появился с Анной Андреевной и Гумилев. В нашей компании ему дали прозвище «Гуми». Он стал как-то отрезанным от нас. Чопорность его увеличилась. У меня же был особенно острый период, период женитьбы, дела, связанные с этим, взволнованность. Все это несколько разладило наши отношения. Но когда осенью была наша свадьба, мы с невестой знали, что шафером у нас должен быть Гумилев.

Я поехал в Царское приглашать его. Анны Андреевны не было дома. Он был один в садике, был нежен. Но чувствовалось, что у него огромная тоска.

— «Ну, вот ты счастлив. Ты не боишься жениться?» — «Конечно, боюсь. Все изменится и люди изменятся». — и я сказал, что он тоже изменился.

Он провожал меня парком, и мы холодно и твердо решили, что все изменится, что надо себя побороть, чтобы не жалеть старой квартиры, старой обстановки. И это было для нас отнюдь не литературной фразой.

Гумилев сразу повеселел и ожил. — «Ну, женился, ну, разведусь, буду драться на дуэли, что ж особенного!».

Я всегда интересовался политикой, особенно в те годы, после революции. Гумилеву это было чуждо, он никогда не читал газет. Сидя со мной на пеньке и размахивая руками, он оживленно говорил, что мир приближается к каким-то невиданным приключениям, что мы должны принять в них участие, стрелять в кого-то, драться, будут катастрофы и прочее, и прочее.

Он неожиданно как-то впал в этот несвойственный ему пророческий транс, но немного погодя опять успокоился.

В августе он приехал в Окуловку с Кузминым и Зноско-Боровским. Он трогательно опасался за меня, заботливо спрашивал,

* Надежда Александровна Зборовская-Ауслендер (ред.).

как я буду жить материально, входил во всякие мелочи. Я тогда был еще студентом.

Затем он принимал самое близкое участие в свадебном ритуале, спрашивал, на каких лошадях поедем в церковь и как поедем.

Вечера мы проводили за игрой в винт. После свадьбы разъехались, и зиму 1910—1911 гг. с Гумилевым не встречались.

* * *

Настоящие дружеские наши отношения кончились с этой свадьбой. Мы разошлись. Жена была очень дружна с Анной Андреевной, и с ней мы виделись гораздо чаще. Гумилев бывал только на официальных званых вечерах. После дружеских хороших встреч начались безличные отношения. Тут вспоминается Анна Андреевна, а он — нет. И так до войны.

* * *

Весной 1914 г. я собирался ехать в Италию. В это время я кончал переводить какие-то рассказы Мопассана и заказал Гумилеву перевести стихи, которые там встречались²⁰. Чуть ли не в день отъезда я поехал к нему на Васильевский остров. Там он снимал большую несуразную комнату для ночевки.

Когда я приехал, Гумилев только начинал вставать. Он был в персидском халате и ермолке. Держался мэтром и был очень ласков. Оказалось, что стихи он еще не перевел. Я рассердился, а он успокоил меня, что через десять минут все будет готово.

Вскоре приехала Анна Андреевна из Царского в черном платье и в черных перчатках. Она, не сняв перчатки, начала неумело возиться, кажется, с примусом. Пришел Шилейко²¹.

Гумилев весело болтал с нами и переводил тут же стихи. После мы вышли вместе с Анной Андреевной и поехали на извозчике.

* * *

В начале войны я застрял за границей и вернулся в Россию не сразу. Тут я узнал, что Гумилев уехал добровольцем на фронт. Этой зимой мы были очень дружны с Анной Андреевной и часто бывали у нее в Царском.

В это время Садовской выпустил маленькую книжку, очень злую. В ней были нападки на Брюсова и Гумилева. Я поместил

на нее резкую рецензию в газете «День»²², которая была напечатана как раз в Пасхальном номере. Мне это было неприятно. Помню, на второй день Пасхи я решил поехать в Царское и неожиданно застал там Гумилева. Он лежал в кровати весь белый, в белой рубашке, под белой простыней. Он приехал из-за болезни, с Георгиевским крестом.

Я очень обрадовался, но он был холоднее, чем это соответствовало стилю. Может быть, не хотел показаться слишком трогательным.

Чувствовался какой-то раскол его с Анной Андреевной, как будто оборвались какие-то нити.

* * *

Позднее я был тоже на фронте, а осенью 1916 г. приехал в отпуск. Гумилев тоже приехал в это время и лежал в Лазарете Общества Писателей на Петербургской стороне. Я отправился к нему туда. Оказалось, он уже встал с постели и был одет в военную форму. Война сделала его упрощеннее, скинула надменность³⁹. Он сидел на кровати и играл с кем-то в шашки. Мы встретились запросто (я тоже был в военной форме), посидели некоторое время, потом он решил потихоньку удрать. Ему нужно было в «Биржевые Ведомости»²³, а из лазарета не выпускали. Он просил меня помочь ему пронести шинель. Сам он был в больших сапогах и от него пахло кожей. Мы выбрались из лазарета благополучно. В этом поступке было что-то казарменное и озорное.

На ходу сели в трамвай. Затем простились. Весело и бодро он соскочил с трамвая и побежал на Галерную. На нем была длинная кавалерийская шинель. Я глядел ему вслед.

С тех пор мы не виделись ни разу.

Позднее я очутился в Сибири²⁴. В глухом селе мне попались «Известия»²⁵ и я прочел о том, что Гумилев расстрелян.

